

ЗНАКОВЫЙ ТРУД В СВОЕЙ ОБЛАСТИ
ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛУЧШАЯ КНИГА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ОРЛАНДО ФАЙДЖЕС

британский историк профессор Лондонского университета

НОРМАН СТОУН

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

1914–1917

Норман Стоун

Восточный фронт. 1914 – 1917

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73933342

Восточный фронт. 1914—1917 / Стоун Норман, Пер. с англ. Е.А.

Гонсалес-Менендес: Гермес Букс; Москва; 2026

ISBN 978-5-9524-6674-6

Аннотация

Историческое исследование британского историка профессора Нормана Стоуна представляет собой подробный анализ событий на Восточном фронте Первой мировой войны. Автор рассматривает относительно малоизвестные ее аспекты, на конкретных примерах и с цифрами в руках показывая, как неэффективность, а не экономический дефицит, привела к отчаянным лишениям России и ее последующему отступлению. Проводя связь между войной и последовавшим за ней хаосом, он делает вывод, что, хотя боевые действия к концу 1916 года почти прекратились, Россия находилась в состоянии смятения и беспорядка, переживая период перемен, которые неизбежно приведут к революции.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Нормана Стоун
Восточный
фронт. 1914—1917**

NORMAN STONE
THE EASTERN FRONT
1914–1917

ГЕРМЕС БУКС

© Norman Stone, 1975

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,

2026

Предисловие

Уинстон Черчилль написал книгу о Восточном фронте Первой мировой войны. Он посвятил ее царской армии и назвал «Неизвестная война». Его книга – блестящее произведение, в полной мере раскрывающее драматизм этого фронта, но основывалась она на очень узком круге источников, в основном немецких, хотя «чувство» темы позволило Черчиллю использовать эти источники гораздо шире, чем это сделал бы не столь известный автор.

Моя основная цель при написании этой книги была относительно простой: заполнить пробелы в военной истории Первой мировой войны. Часто говорилось, что Германия могла бы выиграть войну, если бы в 1915 году выбрала полномасштабное наступление на Россию, как того хотел Людендорф, а не отдельные операции, которые предпочитал Фалькенхайн. Но я не верю, что смелые планы Людендорфа по уничтожению России в 1915 году удалось бы реализовать. Вероятно, именно политика ограничения и изматывания, проводимая Фалькенхайном, дала бы немцам лучшую возможность идти вперед, если бы ему позволили ее придерживаться. А Людендорф просто завел бы их еще дальше вглубь болот и степей, поскольку опрокинуть русскую армию было далеко не так легко, как утверждал Людендорф. Например, до конца 1916 года случаи смерти составляли более вы-

сокий процент немецких потерь на востоке, чем на западе, и русская армия захватила даже больше немецких пленных (а ввиду слабости австро-венгерской армии, безусловно, намного больше пленных в целом), чем британцы и французы, вместе взятые. Идея, что на востоке у Германии безграничные возможности, была легендой, каким бы сильным ни было впоследствии ее влияние на нацистское мышление.

В то же время у союзников существовала не менее устойчивая легенда, что Россия, получи она надлежащую помощь от своих западных союзников, могла бы довольно быстро внести решающий вклад в разгром Германской империи в этой войне. Ллойд Джордж достаточно убедительно высказался в поддержку этой точки зрения: «Половина снарядов и пятая часть орудий... потраченных впустую» в крупных западных наступлениях, утверждал он, могли бы оказать решающее влияние на успех России. Я в этом не уверен. В 1915 году русская армия, безусловно, страдала от нехватки материальных ресурсов, но союзники вряд ли могли ее компенсировать, поскольку у них самих был дефицит материальных средств. В любом случае предполагать, что орудия и снаряды могли бы сыграть на востоке более существенную роль, чем на западе, означало бы ошибочно учитывать значение лишь одного количественного показателя. Мое исследование боев 1915 года показало, что снарядный голод очень часто использовался как предлог для оправдания просчетов и дезорганизации, сыгравших гораздо более важную роль в поражении

ниях России в этом году, чем просто нехватка материальных средств. В любом случае к 1916 году собственное производство военной продукции в России достигло в целом удовлетворительных объемов. На 1 января 1917 года превосходство России на Восточном фронте было в некотором смысле сопоставимо с превосходством западных держав во Франции 18 месяцев спустя. Но чтобы добиться поражения Германии на Восточном фронте, требовалось намного больше, чем просто отправка орудий и снарядов.

Это открытие стало для меня неожиданностью, поскольку я, вслед за Головиным и другими, всегда полагал, что русская армия проигрывала сражения из-за острой нехватки материальных средств, и поскольку я, как и другие авторы, считал это неизбежным следствием экономической отсталости царского государства. Но, сверившись с данными о российском производстве военных товаров, я вскоре обнаружил, что эти данные преувеличены, а иногда и выдуманы задним числом. Например, не совсем верно утверждать, что русская армия была не готова к войне и, будучи неготовой, бросилась в бой, желая спасти французов. Между тем еще за четыре дня до того, как русская армия пересекла германскую границу, командиры утверждали, что готовы. Но то, что они понимали под готовностью, конечно же, не соответствовало реалиям военного времени. Они понятия не имели, что их ждет. Однако их «неготовность» обнаружилась после сражений и, по сути, была историей неудач. В 1914–1915 годах нехват-

ка военных товаров была не признаком экономической отсталости России, а скорее медлительностью, с которой ее режим реагировал на нужды войны. Политики и генералы использовали снарядный голод как «политический» повод для нападок на правительство и Военное министерство, поэтому их рассказы о нехватке снарядов воспринимались скептически; артиллеристы списывали со счетов пехотинцев, считая их глупыми паникерами. А когда правительство решалось что-то предпринять, то обращалось к иностранным производителям, которые не выполняли поставки в установленные сроки. Но как только правительство уладило спор с промышленниками, страна оказалась в состоянии производить военные товары в достаточном количестве. К 1916 году она смогла производить самолеты, пушки, противогазы, ручные гранаты, рации и все остальное если не в огромных количествах, как во Вторую мировую войну, то, по крайней мере, в количествах, достаточных для победы на востоке при прочих равных условиях. Например, к сентябрю 1916 года Россия могла производить 4 500 000 снарядов в месяц. Германия производила 7 миллионов, а Австро-Венгрия – 1 миллион. С учетом того, что большая часть этого количества уходила в другие места – на Западный или итальянский фронты, – утверждение, что Россия проиграла войну из-за катастрофической нехватки материальных средств, было не совсем верным.

В связи с этим меня заинтересовала не отсталость, о ко-

торой говорили многие авторы, а неспособность страны использовать свой экономический потенциал. Структура армии, воинская повинность, организация транспорта, стратегия, взаимоотношения пехоты и артиллерии и все остальное, что я пытался исследовать, показали, что главным слабым местом страны была, строго говоря, не экономическая, а скорее административная сфера.

Но меня больше всего интересовало, почему страна, военная экономика которой была успешна, как никогда прежде, должна была пройти через огромные социальные изменения, несмотря на то что при наличии врага у ворот, казалось бы, все аргументы были в пользу сохранения единого фронта внутри страны, по крайней мере на это время. Моя последняя глава – попытка объяснить это. Я рассматривал Первую мировую войну не как сведение счетов в огромном масштабе, а как кризис роста, как слабо замаскированный кризис модернизации. Она была гораздо более успешной, чем принято считать. Я думаю, она потерпела неудачу в попытке преодолеть узкое место, которым являлось крестьянское сельское хозяйство. Экономический рост страны во время Первой мировой войны сопровождался инфляцией, и именно инфляция в итоге привела к тому, что в критический момент российские поставщики продовольствия задержали поставки своей продукции. Книга, начинающаяся с описания сражений, завершается обсуждением военной экономики, инфляции и революции в городах и деревнях. Такова была кар-

тина Первой мировой войны, и я постарался как можно точнее описать ее ход в Восточной Европе.

Норман Стоун

Колледж Иисуса, Кембридж

Глава 1

Армия и государство в царской России

В 1906 году царская империя, казалось, была на последнем издыхании. Она только что потерпела поражение в войне с Японией, а серия внутренних беспорядков едва не свергла с престола царя Николая II. И вот теперь империя едва оправилась. Ее финансы были в плачевном состоянии, поскольку зависели от французских займов, предоставлявшихся с опозданием и на унижительных условиях. Армия пребывала в смятении, и даже некоторые части императорской гвардии открыто бунтовали. Флот был разгромлен: Тихоокеанский флот затонул в гавани Порт-Артура, а Балтийский после неудачной попытки добраться до Дальнего Востока потерпел сокрушительное поражение в Цусимском проливе. 15 линейных кораблей и 54 более мелких судна ушли на дно, потери, подсчитанные с маниакальной точностью, столь же характерной для царской бюрократии, как и сами потопления, составили 255 888 951 рубль. Сухопутные кампании в Маньчжурии отличались такой же эпической несостоятельностью. Пехота, артиллерия, кавалерия – казалось, каждая из них шла своим путем. Снабжение нарушилось: даже три года спустя у солдат по-прежнему не было гарантированных

пайков. И все же генералы, пытаясь объяснить, что произошло, оставались в недоумении. Куропаткин, например, признавал, что передовые отряды казаков были разбиты небольшими отрядами японской пехоты. Но вместо того, чтобы увидеть, что это стало неизбежным следствием изменений в огневой мощи японской пехоты, он предположил, что это произошло из-за трусости казаков. В результате он приказал забрать у них карабины, чтобы отныне они полагались на сабли. Всеобщее непонимание было таково, что властям потребовались годы, чтобы подготовить официальную историю той войны, и в конце концов она была подготовлена лишь для проформы.

Однако поражение, хотя и унижительное, оказалось спасительным, поскольку даже самым убежденным консерваторам оно показало, что систему нужно менять. Последовала серия реформ в армии и в государстве в целом. Была предпринята попытка привлечь на сторону режима средний класс России. Царь издал манифест о создании парламента – Думы и изменил формат кабинета министров, учредив Совет министров с действующим премьер-министром, члены которого стали меньше, чем прежде, зависеть от прихотей царя и его супруги. Хотя и неохотно, были гарантированы некоторые свободы. Так в России впервые появилась свобода слова и собраний, а также профсоюзы. Ограничения, привязывавшие крестьян к земле, были сняты, и даже имел место жест в сторону эмансипации евреев. Какое-то время казалось, что

энергия России наконец-то найдет применение, пусть даже и на благо режима, который ненавидели практически все.

Политические реформы совпали с периодом беспрецедентного экономического роста. После 1906 года страна вышла из депрессии, которая на рубеже веков привела к банкротству значительной части ее промышленности. Годы строительства государственных железных дорог и иностранных инвестиций начали приносить плоды, поскольку открылись новые рынки, новые источники сырья и рабочей силы. Череда хороших урожаев в сочетании с высокими ценами на зерно, главный предмет российского экспорта, обеспечила процветание страны в целом. Война с Японией оказала благотворное воздействие, поскольку вынудила правительство, обычно болезненно усердствовавшее в применении дефляционной политики, потратить деньги. Было потрачено 2500 миллионов рублей сверх обычных расходов, что дало такой необходимый импульс потреблению. Наступивший подъем даже позволил России снизить зависимость от иностранного капитала. Иностранцы предоставляли примерно такие же – и даже больше – объемы кредитования, но их доля в капиталобразовании России сократилась с половины в 1904–1905 годах до одной восьмой непосредственно перед Первой мировой войной. Направление кредитования также существенно изменилось: от государственных облигаций к акциям, связанным с ростом в банковском деле, торговле и промышленности. Доходы правительства отражали растущее благо-

состояние страны, поскольку в период с 1900 по 1913–1914 годы они почти удвоились, достигнув 3500 миллионов рублей.

Русские вооруженные силы извлекали из этого выгоду, поскольку треть государственных доходов направлялась на оборону, и к 1914 году, как с тревогой отмечал германский Генеральный штаб, восстановление России после катастрофы 1906 года завершилось. Армия насчитывала 114,5 пехотной дивизии против 96 у Германии и 6720 самоходных орудий против 6004 у Германии. Строительство стратегических железных дорог было таким, что к 1917 году Россия смогла отправить на войну с Центральными державами почти сотню дивизий в течение 18 дней после мобилизации, всего на три дня отстав от Германии по общей готовности. Аналогичным образом Россия снова стала важной морской державой. В 1907–1908 годах она потратила на свой флот 9 000 000 фунтов стерлингов, в то время как немцы потратили 14 000 000 фунтов стерлингов. Но в 1913–1914 годах она тратила уже 24 000 000 фунтов стерлингов против 23 000 000 фунтов стерлингов у немцев. Планировалось путем военно-морского удара захватить Константинополь и проливы, а морская конвенция с Великобританией допускала сотрудничество против Германии на Балтике. Неудивительно, что в 1914 году немцы были напуганы масштабами грядущей российской мощи.

Но одно дело – преодолеть экономические трудности, со-

всем другое – преодолеть социальное и административное наследие отсталости, поскольку периоды отсталости сформировали ментальные установки, искоренить которые было труднее, чем саму отсталость. Сможет ли режим выжить в XX веке, зависело от того, насколько он приспособит свои институты к современным требованиям. В вооруженных силах эта проблема ощущалась так же остро, как и в России в целом. По мере того как продолжалась гонка вооружений в Европе, армии становились все больше, а темпы технологических изменений – все быстрее. Обучение должно было выйти за рамки акробатической муштры прошлого, поскольку оружие становилось все сложнее и солдатам требовалось давать необходимые навыки для его использования. Измениться предстояло и составу офицерского корпуса: мужество должно было уступить место тригонометрии, лошадь – двигателю внутреннего сгорания. Модернизация изменила взаимоотношения родов войск, она изменила роли кавалерии, артиллерии, укреплений, пехоты, а иногда и вовсе упразднила их. Чтобы осуществить необходимые изменения и планировать войну в соответствии с ними, армиям требовался центральный планирующий орган, решения которого могли бы преобладать над прежними корыстными интересами. Нужен был Генеральный штаб – корпус офицеров, получивших специальную подготовку в академии и на опыте, не столько для того, чтобы вести войска вперед, сколько для того, чтобы изучать важнейшие аспекты войны.

Необходимость создания Генерального штаба была очевидна в России еще до 1905 года, но его реализация встречала сопротивление. В России доминировала администрация, а не политика, и власть, как правило, доставалась бюрократам, способным управлять системой, а не визионерам, желавшим ее заменить. Существовала академия Генерального штаба, но она выпускала слишком мало офицеров, и, учитывая общую неадекватность офицерского корпуса, эти немногие офицеры в любом случае были нужны для командования войсками, а не для выполнения штабной работы. Даже во время войны 1914–1917 годов начальники штабов были просто заместителями командующих, а иногда и эффективными командирами, а не экспертами по штабной работе. Должности генерал-инспекторов, отвечавших за отдельные рода войск – пехоту, кавалерию, инженерные войска или артиллерию, – обычно занимали великие князья, и их возмущала любая попытка со стороны офицеров Генерального штаба диктовать им. В то же время командиры полков и начальники дюжины военных округов, на которые была разделена страна, считали Генеральный штаб чем-то далеким и напрасно вмешивающимся в их дела. Соответственно до 1905 года Генеральный штаб играл весьма ограниченную роль. Армию возглавлял военный министр, а штаб (Главный штаб, как он тогда назывался) являлся лишь одним из департаментов наряду с другими. Он должен был стать ядром полевого штаба военного времени и состоял из ряда отделов. Один из

них, эквивалентный по масштабу топографическому отделу, назывался Генеральным штабом, но был небольшим, и его функции были весьма неопределенными.

Теоретики считали, что поражение России в войне с Японией было вызвано отсутствием полноценного Генерального штаба – инструмента, способного управлять административным аппаратом армии. В 1905–1906 годах ряд докладов влиятельных генералов убедил царя в необходимости перемен, а с возникновением Думы создание функционирующего Генерального штаба приобрело еще большую важность. Теперь военный министр был подотчетен Думе. Если бы власть передали новому начальнику Генерального штаба, подчиняющемуся непосредственно царю, то сфера вмешательства Думы ограничилась бы делами Военного министерства и административной рутинной. Генеральный штаб стал независимым от Военного министерства, и его начальник мог бы обращаться непосредственно к государю. Его распоряжения должны были охватывать артиллерию, военную подготовку, крепостные сооружения, железные дороги, планирование войны, инженерные войска. Военному министерству оставалась текущая работа по исполнению этих распоряжений, а старый Главный штаб теперь ограничивался повышениями по службе, военными тюрьмами, статистикой и делами Туркестана. Великокняжеские должности генерал-инспекторов также продолжали существовать, но между ними и Генеральным штабом постоянно возникали конфликты. Положение

1907 года не прояснило эту ситуацию, но, по мнению Генерального штаба, генерал-инспекторы должны были лишь поддерживать кадры в хорошем состоянии и не более того. Новым начальником Генерального штаба назначили Ф.Ф. Палицына, много лет изучавшего германские военные учреждения. Венцом новой системы стал Совет государственной обороны, в состав которого входили премьер-министр, военный министр, начальник Генерального штаба, их военно-морские аналоги и генерал-инспекторы. Обычно этот орган возглавлял великий князь Николай, генерал-инспектор кавалерии, и в его компетенцию входила вся сфера обороны.

Однако существовали два значительных фактора, которые помешали этой системе стать такой, какой она была задумана. Первый – масштабность административных задач, затруднявшая реализацию воли любого центрального органа, второй – разногласия в среде офицерского состава, из-за которых офицеры Генерального штаба разговаривали преимущественно сами с собой. В конечном счете важнее оказался второй фактор, поскольку он приводил к борьбе за сферы компетенции и тому подобному, что до крайности усложняло управление войсками. В отличие от западноевропейских армий того времени в русской армии не преобладали представители высшего класса. Россия была бедной страной, лишенной того обилия рабочих мест в экономике, которое привлекало социально активное население в более развитых странах. В России, как и в Латинской Америке, пути

для социального продвижения открывали церковь и армия, менее востребованные в других странах. Служба в армии являлась средством социальной мобильности, а не убежищем от нее, как в Германии. Амбициозным крестьянам нужна была армия, а армии нужны были амбициозные крестьяне, поскольку иначе она не могла получать достаточного количества офицеров. В прошлом предпринимались попытки ограничить офицерские должности людьми высшего класса, но они неизменно терпели неудачу. Государство не могло позволить себе платить офицерам слишком много. Русский подполковник получал четверть жалованья немецкого, русский капитан – 1128 марок против 2851 немецкого. В России офицеры обычно ездили по железной дороге третьим классом, пока в 1880-х годах Министерство транспорта не согласилось разрешить офицерам с билетами третьего класса ездить вторым классом. В 1870-х годах, несмотря на усилия сделать при наборе офицерский корпус более «буржуазным», треть из 17 000 армейских офицеров не окончили начальной школы; а с 1900 по 1914 год почти две пятых офицеров в чине от младшего офицера до полковника были выходцами из крестьян или мелкой буржуазии. Многие другие были всего лишь на одно поколение младше от такого происхождения. Как правило, это были люди (такие как Деникин, Корнилов или Алексеев), чьи отцы поднялись из крепостного состояния до офицерского звания, прослужив в армии 25 лет и сдав в военных институтах простой экзамен по Священному Пи-

санию и литературе. К этому элементу следует добавить еще один «наследственный» элемент – иностранцев и их потомков, сделавших военную карьеру в России и считавшихся почти личными легионерами царя. По большей части это были немцы, как правило, с Балтийского побережья, которые в середине XIX века составляли треть генералитета. Даже в 1914 году на высоких должностях часто встречались иностранные имена, хотя носители их уже обычно были русскими. Из 16 человек, командовавших армиями в военные месяцы 1914 года, семеро имели немецкие имена, один – голландское, а один, Радко-Дмитриев, до 1914 года служил болгарским посланником в Санкт-Петербурге. Семеро носили русские имена, но двое из них по происхождению были поляками. Таким образом, офицерский корпус был неоднородным, благодаря чему царь уменьшал шансы на военный переворот в испанском стиле и в то же время обеспечивал себя определенными популистскими аргументами. Режим мог представлять собой самодержавие, но в этой системе люди низкого социального происхождения могли найти себе место. Несмотря на то что в некоторых армейских частях – в частности, в кавалерии – доминировали представители высшего класса, в целом они никоим образом не являлись в армии доминирующим элементом. К 1902 году 23,2 % выпускников юнкерских училищ, выпускавших большую часть новых пехотных офицеров, были выходцами из крестьян, еще 20,2 % – из мещан, а две пятых – из дворян, причем безземельных.

В армии, как и в других государственных институтах царской России, шла борьба между патрициями и преторианцами, и царь сохранял свободу действий, балансируя между ними. Царская Россия была не таким простым «дворянско-буржуазным государством», как иногда считалось. Напротив, именно дворяне составляли значительную часть активной оппозиции. Их экономическая база была ослаблена отменой крепостного права и потерей двух третей земель. Одни нашли для себя выход в государственной службе или в земствах, другие остались на своих землях и пытались – часто без особого успеха – наладить существование в новых условиях, третьи перешли в активную оппозицию государству, в котором, как они считали, для них осталось слишком мало места. Из их рядов вышло большое количество либералов и революционеров – традиция, заложенная декабристами в 1825 году и в той или иной форме продолженная большевиками. Из лидеров последних, как минимум, Ленин и Чичерин могли претендовать на статус патрициев. В данных обстоятельствах государству было выгодно вербовать крестьян, которых оно затем могло направить против их бывших господ. Такие бывшие крестьяне часто встречались в армии и полиции, что обнаружил граф Толстой, когда полиция проводила в его доме обыск по подозрению в распространении грамотности.

До 1905 года вооруженными силами управляла целая плеяда царских функционеров, служивших из самых простых

побуждений, таких как патриотизм и личная выгода. С одной стороны, это были выходцы из семей военных (Скалоны, Драгомировы), с другой – немцы, всем обязанные царю (Редигер, Эверт, Плевел). Царь снова и снова полагался на таких людей, несмотря на их зачастую преклонный возраст, и в 1902 году назначил 80-летнего военного министра Ванновского министром просвещения. Когда молодые офицеры боролись за создание Генерального штаба, то имели в виду избавление от этих стариков и их системы, которую, как они полагали, полностью дискредитировал 1905 год. Требование создания всемогущего Генерального штаба, несомненно, исходило от патрицианского крыла армии. Только дворяне или буржуазия могли оплатить расходы на обучение в академии Генерального штаба, выпуск которой в подавляющем большинстве состоял из представителей высшего класса. В 1883 году из 122 принятых студентов 58 были из Санкт-Петербурга, а остальные, большинство, – из Варшавы или Москвы. Позднее почти 90 % набора составляли выходцы из среднего или высшего класса. С учетом недавнего появления Думы учреждение независимого Генерального штаба выглядело весьма закономерно, и часто оказывалось, что офицеры Генерального штаба доводятся братьями или кузенами парламентским либералам. Трубецкие, Струве, фон Анрепы, Головины, Звягинцевы, Меллер-Закомельские встречались в Генеральном штабе так же часто, как и на скамьях думского «прогрессивного блока». Для этих людей в армии,

несомненно, открывалась возможность сделать карьеру, «открытую талантам». Но слово «талант» они толковали в своем собственном смысле, и их толкование определенно не подразумевало многих офицеров, проложивших себе путь через старую систему. Неудивительно, что офицеры Генерального штаба, чья власть должна была распространяться на всю армию, столкнулись с серьезным сопротивлением со стороны старой преторианской гвардии.

К тому же, хотя эти офицеры являлись самопровозглашенными технократами, они имели обыкновение впадать в чистейший традиционализм. Полные блестящих идей, они не знали, какие из них применить. Уроки Русско-японской войны виделись им не слишком ясно. Например, военно-морское командование признало непригодность используемого ими снаряда, но не знало, каким его заменить, и потому в течение следующих трех лет продолжало заказывать тот же самый снаряд. Артиллерия и пехота, в частности, расходились во мнениях относительно уроков современной войны, обвиняя друг друга в высокомерии. Пехотинцы жаловались, что артиллеристы подвели их, отказавшись «тратить» драгоценные снаряды на выполнение задач пехоты. Артиллеристы жаловались на неграмотность пехотинцев, например, на то, что генерал Драгомиров угрожал военным трибуналом каждому артиллеристу, который использует максимальную дальность стрельбы своего орудия. Похожая ссора разгорелась по поводу многочисленных русских

крепостей. Одни офицеры истолковали пример Порт-Артура как свидетельство того, что все крепости настолько уязвимы для тяжелой артиллерии, что их удержание становится пустой тратой времени. Другие увидели в нем необходимость значительного укрепления крепостей, чтобы они могли противостоять тяжелым орудиям. На кавалерию все сильнее ложилось обвинение в избыточности, которое отрицалось с тем большей яростью, что оружие пехоты теперь могло стрелять так далеко и быстро, что достаточно активно выбивало из строя атакующих всадников.

Артиллерия и кавалерия представляли собой мощный центр реакции. Артиллеристы презирали пехотинцев и возмущались попытками подчинить их пехотным приказам. К 1906 году стало ясно, что старая восьмиорудийная батарея неоправданно велика. Революция в скорострельности артиллерии давала шестиорудийной и даже четырехорудийной батарее (как во французской армии) такую же эффективную огневую мощь, как у старой восьмиорудийной. Артиллеристы неохотно согласились с этим, но заявили, что у них нет средств на создание батарей меньшего размера, и в 1914 году все еще существовали даже более крупные батареи. Правда заключалась в том, что восьмиорудийными батареями командовали старшие офицеры, тогда как шестиорудийными — капитаны. На кону стояли повышения и пенсии, и Артиллерийский комитет нашел веские причины оказать услугу своим старшим офицерам. С другой стороны, он потворство-

вал маниакальному пристрастию к тяжелой артиллерии, которую следовало размещать в крепостях, а не в полевых условиях, что обходилось армии гораздо дороже. Так, в 1906 году они представили счет на более чем 700 миллионов рублей на крепостные орудия против 112 900 000 рублей на полевую артиллерию. Они также выступили против полевой артиллерии с навесной траекторией полета снарядов, подобной той, что была у немцев, утверждая, что это «оружие труса». По их мнению, пехота должна атаковать полевые укрепления и не ждать, что артиллеристы будут забрасывать их снарядами, когда у них и без того много важных задач. В этом вопросе Палицын и его коллеги, пусть и платонически, заняли позицию пехоты, но, благодаря объединенному сопротивлению Артиллерийского департамента и генерал-инспектора артиллерии, они так и не смогли добиться своего. Представитель Генерального штаба был должным образом направлен в Артиллерийский комитет, являвшийся главным исполнительным органом департамента, но генерал-инспектор и командующие артиллерии (Кузьмин-Караваев, Смысловский и Димша) намеренно делали свои обсуждения крайне техническими, пока этот представитель не исчез. В 1907 году был издан устав, регулирующий взаимоотношения пехоты и артиллерии, но он оказался сформулирован настолько двусмысленно, что никто не знал, что делать. В одних частях артиллеристы действовали по своему усмотрению, в других – пехотным капитанам было разрешено отдавать приказы от-

дельным батареям. Армейские раздоры докатились до Совета государственной обороны, и Генеральный штаб быстро дискредитировал себя в глазах министров. После трех лет существования независимого Генерального штаба прогресса практически не наблюдалось.

Тем временем царь прибегнул к помощи своей свиты из пожилых служак. На место Палицына он назначил командующего Киевским военным округом В.А. Сухомлинова, человека, связанного со старой гвардией Скалонов, Драгомировых, Корфов и Ванновских. Он считался консерватором и, как говорили, саботировал попытки Генерального штаба реформировать пехоту в нескольких военных округах. Тем не менее его имя ассоциировалось с успехами русской армии в период с 1908 года до начала войны.

Сухомлинов имел крайне негативную репутацию в прессе. Он стал олицетворением коррупции и некомпетентности. Дума ненавидела его за неисправимо самодержавные взгляды. В июне 1915 года он был отстранен от должности и арестован. Правительство заключило его в Петропавловскую крепость по подозрению в коррупции, а его руководство Военным министерством стало объектом «высокой следственной комиссии»¹. Временное правительство тоже заключило его в тюрьму, и, как ни странно, именно большевики его от-

¹ Через полгода его вынуждены были выпустить под домашний арест: тогда больше полгода по его обвинению держать дворянина под арестом было проблематично. (Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. пер.)

пустили. В армии он нажил бесчисленное множество врагов, и отголосок этой враждебности прослеживается в различных трудах генерала Головина, который изобличал его во всех своих книгах. Сухомлинов, как своего рода Распутин в мундире, принадлежит демонологии 1917 года. Между тем улики против него далеко не бесспорны. Он являлся частью старого армейского истеблишмента и, как таковой, имел тесные связи с преторианским крылом армии. По сути, он поддерживал интересы пехоты в борьбе с артиллеристами, кавалеристами и гарнизонными офицерами из крепостей. Взяв под контроль Генеральный штаб, он заставил его работать – иногда вопреки всему – таким образом, который одобрил бы сам Палицын, но который он никогда не мог бы себе представить. Проблема Сухомлинова заключалась в том, что основная масса офицеров высшего сословия относилась к нему недоброжелательно. Так, высшие аристократы, служившие в кавалерийских полках, считали начальника его канцелярии и главного помощника Данилова «сельским революционером» за то, что он урезал привилегии гвардейского корпуса. Сторонники великого князя Николая и генерала Палицына ненавидели его за то, что он отстранил их от должностей.

Постепенно он нажил врагов и в Артиллерийском департаменте, и среди генерал-инспекторов, чьи функции начал присваивать себе Генеральный штаб, стоявший на стороне Сухомлинова. Сухомлинов ответил на это назначением офицеров из низших сословий на должности, которые при Па-

лицыне были бы им недоступны, и создал целую клику по всей армии. Например, артиллеристы постоянно говорили, что Сухомлинов на самом деле хотел ввести шестиорудийную, а не восьмиорудийную батарею, потому что это позволило бы ему создать новые офицерские должности для своих клиентов из низших сословий. С другой стороны, сам Сухомлинов никогда не продвигал людей из низших сословий слишком высоко. Две пятых офицеров ниже полковника могли быть выходцами из низших сословий, но среди генералов их было совсем немного, и если бы Сухомлинов попытался увеличить эту долю, то был бы уволен.

Таким образом, его положение всегда было шатким, и, чтобы сохранить должность и провести реформы, Сухомлинову требовался контроль над механизмом повышения по службе. Получить его было непросто, поскольку Высшая аттестационная комиссия, занимавшаяся рассмотрением кандидатур на высшие должности, в значительной степени контролировалась врагами Сухомлинова из высшего общества, и в любом случае в условиях царской России мало кто из клиентов Сухомлинова мог бы дослужиться до генеральского звания. Однако повышения на более низкие должности он мог бы в значительной степени поставить под свой контроль. Сухомлинов сразу это оценил. Такими повышениями занимался Главный штаб, как и другими рутинными делами, которыми Генеральный штаб решил себя не утомлять. Главный же штаб являлся одним из управлений Военного

министерства. Сухомлинов решил, что путь к реальной власти лежит через Военное министерство, а не через Генеральный штаб, несмотря на его формальное превосходство, поскольку первому было легче контролировать и должности, и финансы. Во времена Палицына Военное министерство проявило себя не с лучшей стороны. Им руководил Редигер – педант, поглощенный рутинной работой. Сухомлинов извлек выгоду из запутанной обстановки в Военном министерстве. Заместитель Редигера Поливанов интриговал с целью свержения Редигера и, вероятно, снабдил думскую оппозицию «внутренними» материалами, которые она смогла использовать для нападков на него. В ответ Редигер продемонстрировал такое позорное смущение, что царь решил его снять. Но, зная о связях Поливанова с оппозицией, он решил назначить на вакантную должность не его, а Сухомлинова, после чего Сухомлинов объявил, что для российских условий больше подходит старая система, при которой Военное министерство стояло выше Генерального штаба. Отныне Генеральный штаб стал управлением Военного министерства наряду с другими управлениями (артиллерийским, инженерных войск и т. д.), в то время как Сухомлинов получил контроль над механизмом повышения по службе.

Чтобы предотвратить появление оппозиции, Сухомлинов превратил должность начальника Генерального штаба в фактически пустующую, организовав простую схему постоянной смены занимавших ее лиц: Мышлаевский, уволенный

через год; Гернгросс, ничтожество, вскоре умерший; Жилинский, отправленный два года спустя командовать Варшавским военным округом; писарь Янушкевич. Таким образом, за семь лет, предшествовавших 1914 году, начальников Генерального штаба было столько же, сколько в Германии за все предыдущее столетие. Наряду с этим Сухомлинов завел целую сеть шпионов, следивших за его высокопоставленными врагами при дворе, в правительстве и в Думе. Его агенты, среди которых был Мясоедов, шпионили за офицерским корпусом, якобы работая на контрразведку. В столице делу Сухомлинова служила группа жандармов. Комендант дворцовой стражи Воейков, который продавал русскую версию минеральной воды Peggier под названием «Кувака», сам назначил себя «главным инспектором физического состояния населения и народов Российской империи» и обнаружил, что улучшение этого состояния требует употребления «Куваки». Управляющий штабной столовой великого князя Николая Байрашев тоже торговал «Кувакой». Были и отвратительные Курловы и фон Коттены из Департамента полиции, а также австрийский спекулянт Альтшиллер, которому Сухомлинов давал пустые листы с подписью, чтобы тот мог использовать их для написания рекомендательных писем. Для борьбы с Думой Сухомлинов использовал своих собственных клиентов-журналистов: князя Мещерского с его антисемитским «Гражданином»; Ржевского, который писал за Сухомлинова газетные статьи (включая знаменитую статью 1914 года, объ-

являвшую о готовности России к войне); князя Андроникова, который сочетал в себе жажду наживы, снобизм, крайнюю религиозность. Все они поддерживали Сухомлинова, информируя его о течениях в оппозиции, будь то в офицерском корпусе, Думе, правительстве или при дворе, и получали взамен предварительную информацию, позволяющую им извлекать выгоду. Например, в случае Андроникова Сухомлинов сообщал ему, какие участки земли постарается купить армия, чтобы сначала мог их купить Андроников, а затем выгодно перепродать. В то же время сам Сухомлинов, по-видимому, получал немалую прибыль от инсайдерской информации о сделках на фондовой бирже. В целом система была защищена от высокопоставленных врагов Сухомлинова благодаря умелому использованию механизма продвижения по службе. Великий князь Николай и его кавалерийская когорта были ограничены военными округами; Палицын инспектировал крепости Кавказа; их низшие сторонники голосили от разочарования в каком-нибудь отдаленном полковом штабе, в то время как важные должности Сухомлинов заполнял безликими технарями вроде Шуваева или Вернандера или недалекими представителями старой системы – престарелым Эвертом и выходцами из крестьян Кондратьевым, начальником Главного штаба, или Ивановым, начальником Киевского военного округа. Низшие должности в самом Генеральном штабе занимали люди простого происхождения, хотя структура Российской империи всегда ограничивала их

численность.

Офицерский корпус разделился на сухомлиновцев и их врагов, и именно это объясняло своеобразную структуру командных постов в России. Когда началась война, власть перешла от администраторов к командующим, то есть от Военного министерства Сухомлинова к Ставке великого князя Николая. Затем эти две машины стали бороться за то, кого из своих кандидатов назначить. Нередко назначение представителя одной стороны на один из постов отменялось назначением представителя другой стороны на должность начальника его штаба, а затем подкреплялось назначением представителя первой стороны на третью по значимости должность генерал-квартирмейстера. Командующие обычно не общались ни с начальниками своих штабов, ни с командующими соседних армий, но поддерживали прекрасные отношения со своим генерал-квартирмейстером. Ренненкампф в Восточной Пруссии был аристократом-кавалеристом, который отказывался иметь какие-либо дела с начальником своего штаба Милеантом, но установил хорошие отношения со своим генерал-квартирмейстером Бановым. Рузский, командующий 3-й армией, воевавшей против австрийцев, был убежденным сухомлиновцем, который ссорился со своим начальником штаба Драгомировым, но очень благоволил своему генерал-квартирмейстеру Бонч-Бруевичу. И Ставка, и Военное министерство использовали любую возможность, чтобы дискредитировать людей другой стороны, но, если их уволь-

няли, они обычно попадали в безопасную сеть своей собственной стороны и назначались на какие-нибудь другие командные должности. Довольно часто людей увольняли с командования дивизией за предполагаемую некомпетентность, а затем назначали командующими армейским корпусом или их увольняли с должности начальника штаба и они снова появлялись в должности командующего дивизией или даже армией. Карьеры Безобразова, Цурикова, Зуева, Курлова, Драгомирова и даже Рузского хорошо иллюстрировали этот процесс, и он не способствовал выработке целостной армейской стратегии.

Это был раскол, который вышел за рамки 1917 года. Конечно, схема никогда не была простой, и случались смены сторон, когда даже стойкие сухомлиновцы меняли сторону, чтобы присоединиться к мощной группе Ставки. Но изучение тех царских офицеров, которые пошли в Красную армию, демонстрирует примечательную связь со старыми сухомлиновцами. Скромные технари скромного происхождения, молодые офицеры, нетерпимые к пафосным речам кавалерии – учреждению Генерального штаба, – перешли в Красную армию, в то время как кавалеристы и более старомодные артиллеристы устремились в Белую армию. Ушаков и Раттель, офицеры-транспортники из самой Ставки, стали красными, а их начальник, Ронжин, эмигрировал. Артиллерией Красной армии руководили технические специалисты: Барсуков, Кирей, Ипатьев, назначенные Сухомлиновым во-

преки сопротивлению Артиллерийского управления. И даже список командующих армиями и корпусами царских времен, перешедших в Красную армию, – на удивление длинный, куда вошли Бонч-Бруевич, Гутор, Баланин и Каменев, – состоит в основном из сухомлиновцев, а не из назначенцев великих князей.

Впечатление, что именно Сухомлинов, а не его враги, был истинным поборником современной системы, убедительно подтверждается историей его армейских реформ. Несмотря на свои хвалебные технократические речи, враги Сухомлинова оказались ярыми традиционалистами, и их противодействие реформам – в кавалерии, артиллерии, резервных формированиях, крепостях и, в конечном счете, в планировании – во многом обусловило неспособность армии развивать свою структуру в той мере, в какой это позволяли экономические ресурсы. Рост государственных доходов открыл невиданные ранее финансовые возможности для реформ. В период с 1909 по 1913 год на нужды армии было выделено около 3 миллиардов рублей, на флот – 1 миллиард рублей, что в совокупности составило треть государственных доходов. Расходы на оборону в целом росли следующим образом.

**Основные расходы на оборону, 1909–1914 годы
(млн рублей, округлено)**

Годы	Армия	Флот
1909—1910	473	92
1910—1911	484	113
1911—1912	498	121
1912—1913	528	176
1913—1914	581	245

В то же время армия и флот получили ряд капитальных ассигнований («чрезвычайные расходы»), выделенных в три этапа: «Малая программа» 1908–1909 годов, «Реорганизация» 1910 года и «Большая программа» 1914 года. Первые две программы предусматривали выделение на оборону 700 миллионов рублей до 1914 года, из которых армия и флот получили примерно половину каждый. Третья программа предусматривала увеличение текущих расходов на 140 миллионов рублей в год для армии и капитальную субсидию в размере 432 миллионов рублей, выплачиваемую в течение трех лет. Флот уже получил аналогичную сумму в 1913 году: 800 миллионов рублей были выделены на военно-морские расходы, главным образом на Черноморский флот. К 1913–1914 годам русская армия получала больше денег, чем немецкая: по подсчетам немецких официальных историков, 1577 миллионов марок против 1496 миллионов, хотя на каждую потраченную марку немцы, несомненно, получали больше. Ориентиры на будущее были очевидны.

Сухомлинова повсеместно обвиняли в неэффективном управлении ресурсами. Довольно часто случалось, что и армия, и флот запрашивали у Думы крупные суммы, а потом объясняли членам Думы, проводившим расследование, что значительная часть ранее выделенных кредитов осталась неиспользованной. Конечно, было немало случаев неэффективного управления. Военно-морское командование металось между Балтийским и Черным морями, в результате чего у него оказалось два полуфлота, а армейское командование, как и следовало ожидать в соответствии с запутанными отношениями между Военным министерством, Артиллерийским департаментом, Генеральным штабом и остальными ведомствами, тоже не смогло должным образом спланировать свои расходы. Но эта путаница скрывала то, что в действительности являлось основной проблемой развития, – экономику. Орудия и корабли не могли быть построены без значительных первоначальных вложений, а деньги, выделяемые Думой на судостроение, часто превращались в бесконечные проекты землечерпалок, ледоколов, штурманских школ, маяков и геодезических работ. В 1906 году даже Кронштадтская военно-морская база освещалась керосиновыми лампами, а вода доставлялась конными повозками. В результате, опять же отражая отсталость России, простые вопросы снабжения обходились русской армии дороже, чем армиям других стран. Русский вещевой мешок стоил 65 копеек, британский – 35; русские сапоги – 8 рублей 40 копеек за пару, а американские,

даже в обесценивающейся валюте 1915 года, – 6 рублей. Наконец, существовала еще одна серьезная проблема: поскольку российские заводы часто были новыми, с неиспытанными мощностями, размещение заказов для армии и флота иногда занимало много времени. В финансовых вопросах администрация Сухомлинова пала жертвой скорее экономики развития, чем коррупции или неэффективного управления.

Именно препятствия в проведении реформ, а не неэффективное управление финансами в большей степени сдерживали развитие армии. В 1909 году, после поражения России в Боснийском кризисе – и, несомненно, также в ответ на победу флотских командиров несколькими месяцами ранее, – Сухомлинов составил список желательных реформ. Они были направлены на укрепление пехоты, полевой армии в целом, и судьба этих реформ показала, насколько готовы были сопротивляться переменам так называемые «технократы» – все эти Палицыны и Головины, Щербачевы и Алексеевы. Сухомлинов предлагал, например, создание настоящих резервных дивизий для увеличения количества полевых дивизий в военное время. Как и во Франции или Германии, подразделения мирного времени имели приданную им специальную группу (*secret cadre*), которая в военное время отделялась и использовалась для формирования ядра следующего подразделения, численность которого в основном обеспечивалась за счет резервистов. Батарея мирного времени состояла из 8 офицеров и 201 рядового, а в военное время из

нее выделялись 2 офицера и 46 рядовых для формирования еще одной батареи, основная часть личного состава которой состояла из резервистов, призванных на военную службу. В пехотных дивизиях происходило примерно то же самое. Каждая немецкая регулярная дивизия мирного времени содержала дополнительное ядро еще одной бригады военного времени, так что 26 немецких регулярных корпусов в военное время могли сформировать 26 резервных дивизий. Недостатком, конечно, было то, что основная часть личного состава этих резервных дивизий была более низкого качества, поскольку только 10 % численности составляли действующие солдаты, а остальные 90 % – резервисты, которые могли забыть значительную часть своей подготовки. Но если армии требовалось иметь возможность выставить в военное время большое количество дивизий, не тратя средств на их содержание в мирное время, эта система работала хорошо. Сухомлинов внедрил ее в России, создав 35 дивизий второй линии вместо 70 первой. Генералы на фронте ответили тем, что не использовали эти дивизии, а артиллеристы делали все возможное, чтобы «не тратить» на них ресурс своих орудий.

Помимо этого, Сухомлинов столкнулся с неприятностями, когда предложил снести большую часть российских крепостей. В конце XIX века была создана система крепостей, призванная компенсировать вероятность более быстрой немецкой мобилизации. На Висле стояли Новогеоргиевск и Ивангород; на речных рубежах Северной Польши –

Осовец, Гродно и Ковно. Военный план строился вокруг этих крепостей, причем положение дел в одной обуславливало состояние другой. Однако развитие артиллерии и железных дорог сделало их ненужными. Как показал 1914 год, даже самые прочные укрепления можно было взять под контроль тяжелой артиллерией. Но для взятия русских крепостей даже не требовалась очень тяжелая артиллерия, поскольку к 1900 году они уже устарели. Новогеоргиевские форты были построены для того, чтобы артиллерия 1880-х годов не могла попадать в центральную часть крепости, то есть обычно находились на расстоянии восьми километров от нее. Теперь даже полевая пушка могла стрелять на такое расстояние. Форты обычно строились из кирпича, а не из бетона. Ковно почти превратился в музей, а его центральная «пляс д'арм», по словам Палицына, представляла собой «своего рода двор, через который люди гонят скот на рынок». Фундамент Ивангорода постоянно ослабевал из-за разливов Вислы, и даже окружающая растительность не была убрана, так что нападающий мог продвигаться незаметно. Шварц, командовавший им в 1914 году, сказал: «Стоя на бруствере, я даже гласиса не видел». Существовали, казалось бы, веские аргументы в пользу того, чтобы эти укрепления возводить, а не сносить. Но последовавшие события подтвердили, что прав был именно Сухомлинов, говоривший, что их следует снести. Все крепости Первой мировой войны, за исключением особых обстоятельств, разрушались

в считанные дни. Французская оборона Вердена, что вполне разумно, велась из окопов, а не из бетонных ловушек, таких как Дуомон или Во. Но противники Сухомлинова были в ужасе и говорили, что крепости следует строить, а не сносить. На эти цели они представили огромные счета: в 1908 году – 800 миллионов рублей, то есть примерно столько же, сколько должен был получить Черноморский флот шесть лет спустя. Артиллеристы, потакая своему маниакальному пристрастию к крепостной артиллерии в ущерб тяжелой полевой артиллерии, требовали почти 5000 современных тяжелых орудий для крепостей, оставляя полевой армии менее 500. Предложение Сухомлинова о сносе крепостей встретило ожесточенное и в итоге успешное сопротивление. Местные военные инженеры просто игнорировали его инструкции – в случае с Ивангородом, найдя привлекательный предлог, что снос крепости будет стоить столько же, сколько и ее строительство. Протестовали начальники военных округов, особенно Алексеев в Киеве и Ключев в Варшаве. Мнение Думы было взбудоражено, а министры правительства – лоббированы. Наконец, вопрос о крепостях был поднят заместителем самого Сухомлинова Поливановым, несомненно, с целью дискредитировать Сухомлинова. К 1912 году от программы сноса крепостей пришлось отказаться.

Сохранение этих крепостей предопределило решающий и роковой поворот в развитии русской артиллерии. Ее ресурсы были поглощены, отчасти флотом, но особенно по-

требностями крепостей, необходимость инвестиций в которые была в значительной степени самогенерирующейся, поскольку, как только был сделан первый шаг, неизбежно последовали остальные. Впоследствии нехватка у России тяжелых полевых орудий воспринималась как признак экономической отсталости. На самом деле это лишь свидетельствовало о нехватке артиллеристов, готовых обслуживать нужды пехоты, и неспособности Генерального штаба диктовать условия высокомерным артиллерийским спецам. Артиллерийское управление, истекая слюной, гонялось за все более крупными калибрами для своих крепостей, жертвуя в ненасытной «мании величия» всем прочим. В планах дополнительных расходов на 1908 год предполагалось потратить более 700 миллионов рублей на крепостную артиллерию и всего 112 миллионов на остальную. В 1910 году планировалось дополнительно 620 крепостных орудий и 240 тяжелых полевых орудий. Согласно «Большой программе» 1913–1914 годов крепости должны были получить дополнительно 516 тяжелых гаубиц, в то время как тяжелая полевая артиллерия – всего 228 орудий. В 1914 году крепости имели 2813 современных орудий, а к 1920 году должны были иметь 4998 вместо 3000 старых, тогда как в полевой армии было всего 240 тяжелых гаубиц и пушек. Когда летом 1915 года этим крепостным орудиям пришло время доказать свою состоятельность, оказалось, что Сухомлинов, которого все осмеивали за невежество, был абсолютно прав. Варшава, Ново-

георгиевск, Ковно, Гродно, Осовец, Брест-Литовск пали в считанные дни или были оставлены добровольно. В большинстве из них немцы захватили тысячи орудий и миллионы снарядов. С другой стороны, полевая армия, страдавшая от нехватки мобильной тяжелой артиллерии, могла только отступать. Озабоченность Артиллерийского управления приобретением тяжелых крепостных орудий отрицательно сказалась на обычной артиллерии из-за неправильного расходования ресурсов. Например, согласно «Большой программе» управление предлагало 209 миллионов рублей из 400 потратить на крепостную артиллерию. Поэтому на развитие полевой артиллерии с навесной траекторией полета снарядов – легких гаубиц, которые германская армия успешно применяла и которые оказались особенно полезны в окопной войне, – денег не осталось. Аналогичным образом не хватило средств на переоборудование русских батарей в более гибкие шестиорудийные, и до лета 1915 года большинство частей продолжало растрачивать свою огневую мощь в восьмиорудийных батареях. Запас снарядов тоже повсеместно страдал от этой «озабоченности» артиллеристов. Он был доведен до 1000 снарядов на орудие, тогда как французский резерв составлял 2000, а немецкий – 3000, и с началом войны не было сделано ничего существенного для увеличения выпуска снарядов. Шли разговоры, велась переписка. Но все это не имело ни малейшего значения. Сам Сухомлинов, конечно, знал, что снарядов потребуется гораздо больше. Он также

подозревал, что полевая артиллерия с навесной траекторией полета снарядов и шестиорудийные батареи будут важнее крепостной артиллерии. Но он не мог диктовать свою волю влиятельным лицам из Артиллерийского управления, включая великого князя Сергея Михайловича, и на этом его реформы остановились.

Предложения Сухомлинова относительно крепостей тоже не увенчались успехом, поскольку противоречили ортодоксальным принципам планирования. В конце XIX века любое планирование определялось соображениями крайней осторожности, и с учетом отсталости России считалось, что крепости необходимы. Благодаря массовому строительству железных дорог мобилизация в Германии проходила быстрее, чем в России, и немцам хватило бы на нее две недели, тогда как русским потребовалось бы не менее шести. Более того, стратегическое положение России было неблагоприятным из-за выступающей вперед Польши, зажатой между территориями Центральных держав и уязвимой для захвата в клещи. Русские железные дороги были плохими, они работали хуже немецких, и даже на отдельных основных направлениях случались перебои. Например, линия Москва – Казань могла бы пропускать 40 поездов в день, но ее участок Арапово – Рязань пропускал только 21, и узкие места подобного типа парализовывали значительную часть дефицитного подвижного состава. Полевые кухни в Смоленске и Вязьме могли обеспечить только 35 000 горячих обедов в день. Про-

пуская способность сигнальных систем на важных железнодорожных узлах, таких как Минск и Белосток, была низкой, и поезда могли подвергаться немецким обстрелам из-за заторов на подъездных путях. В Травники, где должны были разгружаться войска для австро-венгерского фронта, могли бы ежедневно прибывать 20 поездов, но из-за отсутствия длинных платформ разгрузиться могли только 10 из них. Неудивительно, что Обручев, начальник штаба в 1890-х годах, считал, что, «пока мы не построим железные дороги, не существует плана, гарантирующего нам успех».

Несмотря на разговоры с французами о наступлении, планы русских оставались сугубо оборонительными. Польшу к западу от Вислы пришлось бы в любом случае полностью оставить, поскольку крупные скопления войск стояли далеко от границы. В 1890 году 207 батальонов стояли на Немане, 324 – на средней Висле, 284 – на галицийской границе, 188 – в резерве в районе Брест-Литовска. В 1906 году, согласно положениям плана² № 18, «восстановленного», группировки войск, базировавшиеся вокруг крепостей, были практически такими: 13 дивизий – на побережье Балтийского моря, 11,5 – на Немане, 34 – на средней Висле, 15 – на галицийской границе и 6 в резерве. Этот план, казалось бы, гарантировал безопасность от клещей с севера и юга Польши, а также давал русской армии возможность нанести удар либо по Германии, либо по Австро-Венгрии, поскольку основ-

² Под «планом» подразумевается мобилизационное расписание.

ные силы были сосредоточены в центре. Но чтобы начать наступление, русской армии потребовалось бы не менее шести недель, если не два месяца. К 1909 году такая задержка выглядела недопустимой, а между тем Боснийский кризис, как ничто другое, показал русско-германскую враждебность.

В 1910 году Сухомлинов и Данилов переписали план. План № 19 радикально отличался от предыдущего. Они считали, что для спасения французов от изоляции в первые недели войны Россия должна начать наступление. Но атаковать из центра было бы опасно, поскольку фланги могли оказаться под угрозой как из Галиции, так и из Восточной Пруссии. Один из этих бастионов необходимо было взять. Во взятии австро-венгерского бастиона не было смысла, поскольку Австро-Венгрия не могла повлиять на первый период войны. Намечалось наступление на Восточную Пруссию, и, поскольку она выступала вперед, ее можно было атаковать с двух сторон – с юга и с востока. Тем временем сложилась довольно ясная картина намерений Германии. Французы и русские считали, что немцы оставят на востоке от 16 до 25 дивизий и сосредоточат свои силы на западе, где «главные сражения, вероятно, произойдут в первые две недели в Люксембурге, Бельгии и Лотарингии». Очевидно, что русское наступление способно существенно отвлечь немецкие войска с запада, и план № 19 предполагал серьезное наступление. Однако, понимая, что Восточная Пруссия создаст серьезные тактические трудности, Данилов готовился выделить для атаки на

эту провинцию 4 армии с 19 из 28 армейскими корпусами. Остальные 9 должны были сдерживать все, что решат направить против России австрийцы. В сложившихся обстоятельствах не стоило тратить деньги на содержание крепостей, и Данилов предложил их снести. Его программа получила полную поддержку Сухомлинова.

Но тут же раздались возмущенные голоса, которые звучали тем громче, что неучтенными оказались интересы влиятельных армейских и общественных групп. Все враги Сухомлинова в армии и Думе объединились для спасения крепостей, а люди великого князя в Варшавском и Киевском военных округах были мобилизованы, чтобы похоронить план, который в противном случае им пришлось бы выполнять. Некоторые, в том числе Стогов из Генерального штаба, считали, что французы будут непременно разгромлены в течение трех месяцев. Тогда России придется сражаться с Германией в одиночку, и, возможно, лучше на начальном этапе разгромить Австро-Венгрию, тем самым обеспечив себе свободу действий в последующей русско-германской войне. «Разношерстная армия Австро-Венгрии не выдержит удара», поскольку, «как можно предположить, в случае победы России славяне потянутся к ней». Более того, восточно-прусское наступление, начатое четырьмя армиями, обречено страдать слабостью своего фланга на юге, и стремительный бросок Австро-Венгрии может пробить этот фланг и сорвать продвижение в Восточной Пруссии. «Изучение»

этой возможности показало, что к двадцатому дню мобилизации австро-венгерские войска способны продвинуться далеко вглубь Волыни и вскоре после этого могут даже захватить Брест-Литовск. Такие предположения, хотя иногда они встречали понимание в австро-венгерском Генеральном штабе, были чистой фантазией. К двадцатому дню мобилизации австро-венгерские армии все еще находились намного южнее своей собственной границы. И хотя на пятнадцатый день состоялся австро-венгерский кавалерийский рейд, ему не удалось прорвать даже кордон жандармерии. Тем не менее Ключеву в Варшаве и Алексееву в Киеве удалось настроить Генеральный штаб против Данилова. Были проведены совещания начальников штабов военных округов, на которых выдвигались требования о переработке плана с учетом действий против Австро-Венгрии. Тем временем политические события привели к австро-русскому, а не русско-германскому кризису, и теперь планировщики считали, что им нужно готовиться к войне с Австро-Венгрией. Соответственно, в мае 1912 года появился «измененный» план № 19. Теоретически существовало два варианта: вариант «А» на случай нападения Германии на Францию и вариант «Г» на случай нападения Германии на Россию. Реальным, как известно, оказался первый. Он предусматривал сосредоточение русских войск не против Германии, а против Австро-Венгрии. На германском фронте оставалось 29,5 пехотной дивизии, на австро-венгерском – 46,5, а в конечном счете гораздо боль-

ше. Восточнопрусское наступление Данилова осталось в силе, но, не получив двух предназначенных для него армий, оно неизбежно оказалось слабее, чем требовалось для его безопасной реализации. Опора на крепости тоже сохранилась, и с тех пор планирование и крепости держали друг друга в смертельном объятии.

Первоначальные неудачи России в войне были гораздо сильнее связаны с ошибками в планировании, чем с ее материальной несостоятельностью или предполагаемой неготовностью к 1914 году. Компромисс между соображениями Данилова и Алексеева привел к тому, что ни восточнопруссский, ни галицийский фронт не получили достаточно сил. Эта борьба между «северянами» и «южанами» в России была сродни спору между «западниками» и «восточниками» в Англии. «Южане» представляли собой выразителей традиционных целей: панславизм, Константинополь, Балканы. В отличие от них сторонники Сухомлинова понимали, что сейчас реальная опасность исходит от Германии и что для России было бы нелепо начинать европейскую войну с наступления на противника, не представляющего серьезной угрозы. Вес предвоенных вложений в поддержание крепостей – и, конечно, в планирование, поскольку составление плана дело непростое, которое нельзя повторять слишком часто, – естественным образом склонил чашу весов в сторону традиционалистов, а политический кризис 1912–1913 годов подтвердил эту тенденцию. Вся машина планирования перестала ра-

ботать в соответствии с логикой ситуации, превратившись в своего рода сейсмограф замедленного действия, регистрирующий дипломатические колебания предыдущих месяцев. К 1912 году русская армия уже была фатально разделена между северной и южной операциями. Связи между ними были слабыми. В связи с этим в военное время пришлось создавать две отдельные группы командования соответствующими армиями – фронтами. Однако это не означало понимание того, что командование стало слишком сложным, и для управления сухопутными войсками требовались не только командование отдельными армиями, но и командование группами армий. Скорее это было осознание необходимости разделить армию на две части в соответствии с несовместимостью задач, которые им придется выполнять. Создание двух отдельных групп, как показали события, стало практически непреодолимым препятствием для разработки целостной стратегии. Таким образом, не план Данилова, а скорее отказ от него проиллюстрировал слабость командной структуры русской армии.

Располагая «Большой программой», обсуждавшейся в течение 1913 года и вступившей в силу в июне 1914 года, русская армия, казалось бы, стала армией европейской сверхдержавы в соответствии с экономическим ростом, который с 1906 года переживала Россия. Ежегодный контингент рекрутов для трехлетней службы был увеличен до 585 000 человек, так что только армия мирного времени достигла бы

почти двух миллионов человек – в три раза больше, чем германская. Численность пехотных дивизий увеличилась бы до 122,5 (с 114,5) против 96 в Германии, а число полевых орудий было бы 8358 против 6004 в Германии. Каждая дивизия имела бы 12 гаубиц вместо 6 (52 германские регулярные дивизии имели 18) и 4 тяжелых полевых орудия против 8 в германской регулярной дивизии. Наконец-то вводились батареи по 6 орудий, и артиллерия получала дополнительно 5000 офицеров и 30 000 солдат. Предлагалось также усовершенствование железных дорог для содействия мобилизации. Но для такого бремени не было надлежащих сил. Царский режим, казалось бы, выигрывал от экономического прогресса, но структура армии, если на то пошло, только страдала от него, поскольку он давал слишком много денег для неправильного выбора, который безошибочно делали многие армейские функционеры. Теперь у них в изобилии были пушки, железные дороги, обученные люди. Но военачальники пренебрегали резервными дивизиями, предпочитали размещать пушки в крепостях и составляли планы войны, которые не слишком активно использовали стратегически важные железные дороги. Кроме того, сохранявшаяся вера в эффективность кавалерии означала, что железные дороги, которые могли бы быстро отправить пехотинцев на фронт, вместо этого загружались лошадьми и фуражом для них. Принесение локомотивов в жертву лошадям оказалось этой армии подходящим способом вступить в войну в 1914

году.

Глава 2

Военный императив, июль 1914 года

Подготовка России к войне все сильнее беспокоила немцев, а известия о «Большой программе» сводили их с ума. Это стало последней каплей в атмосфере беспрецедентной международной напряженности. Берлин чувствовал себя окруженным могущественными и беспринципными врагами. Во Франции произошло «национальное пробуждение», которое привело к избранию президентом националиста Пуанкаре и принятию нового закона об армии, восстанавливающего трехлетнюю военную службу. Британцев не слишком пугала враждебность Германии, обладающей крупным боевым флотом, и можно было, без сомнения, предположить, что в европейской войне они присоединятся к битве против нее. Правда, некоторые германские государственные деятели надеялись на обратное. Но немецкие военные не питали иллюзий, и их планы предусматривали высадку британского экспедиционного корпуса во Франции. Италия тоже превратилась из верного союзника в откровенно ненадежного, а в 1913 году обстановка на Балканах вызвала аналогичные изменения в Румынии. В такой ситуации русская угроза выглядела для Германии более опасной, чем что-либо

другое, и немецкие государственные деятели начали предвидеть день, когда русские войска, во имя панславизма, пойдут на разрушение габсбургской монархии и создание Российской империи, простирающейся до Штеттина и Триеста. Начальник германского Генерального штаба Мольтке в феврале 1914 года писал, что «готовность России к войне достигла огромного прогресса со времени Русско-японской войны и сейчас гораздо выше, чем когда-либо в прошлом».

В то время в Европе было широко распространено мнение, что германская армия является огромной военной машиной несокрушимой силы, самой мощной в Европе. Как показали кампании 1914–1918 годов, это, безусловно, была машина большой эффективности, но она была далеко не так сильна, как опасались иностранцы и как предполагал кайзер. Напротив, оценивая силы других генералов, немецкие генералы чувствовали себя очень слабыми. В 1914 году их армия имела меньше батальонов, чем французская (1191 против 1210), и меньше орудий, чем русская (6004 против 6700), на 1876 батальонов, по количеству которых она, конечно, тоже уступала. Кроме того, она уступала французской армии по многим видам техники, например по грузовикам и легковым автомобилям.

Немцы неоспоримо превосходили своих врагов только в одной области, в артиллерии с навесной траекторией полета снарядов. Но даже в этом их превосходство было сильно преувеличено. Они раньше врагов поняли, что в грядущей

войне этот тип артиллерии с фугасным, а не шрапнельным боеприпасом будет иметь важное значение. Полевая пушка, которая все еще составляла подавляющее большинство орудий любой армии, стреляла быстро, далеко и метко, и ее можно было использовать для отражения массированных пехотных атак. Орудия с навесной траекторией были медленнее и имели меньшую дальность стрельбы. Но они могли поражать вражеские укрепления, такие как земляные брустверы, недоступные для полевых пушек. Грядущая война, безусловно, стала войной, в которой полевые укрепления играли решающую роль, и немцы опередили противников в разработке полевых мортир. Их регулярные дивизии имели 18 таких орудий и 54 полевые пушки, тогда как в русской армии в 1914 году их было всего 6 на дивизию (и 48 полевых пушек). Французы и русские планировали наверстать отставание, но немцы пошли дальше и оснастили полевыми мортирами свои резервные дивизии. Более того, немцы добились определенного превосходства в тяжелой полевой артиллерии. В 1914 году *Schwere Artillerie des Feldheeres*³ насчитывала 575 тяжелых орудий: пушек и гаубиц, тогда как у французской армии их было 180, а у русской – 240. Заимствование у австрийцев 300-миллиметровых гаубиц дало немцам еще большее превосходство. Но ни одно из этих преимуществ не было таким уж значительным. «Артиллерия-монстр», с помощью которой немцы, как принято считать, «прорвали» се-

³ Полевая тяжелая артиллерия (нем.)-

бе путь через Бельгию, была легендой. Например, у них было всего три 420-мм тяжелые пушки Круппа, хотя по ходу войны их было произведено гораздо больше. Таким образом, немецкие полевые мортиры и тяжелая артиллерия определенно не были для Мольтке причиной забыть о своих страхах, особенно когда он узнал о намерении других армий сократить разрыв.

В любом случае превосходство Германии в обеих областях проистекало не из ее якобы непобедимой промышленной мощи, а из обстоятельств самих кампаний. Германии предстояло вести осады, а другим державам – нет. Немецкий план предполагал атаку на французские и бельгийские крепости, тогда как в планах французов и русских осада крепостей не играла практически никакой роли. Артиллерия обеих сторон просто отражала это различие. В пользу Германии сыграла еще одна случайность: у нее было значительно больше свободных военных финансов для развития артиллерии, чем у других держав. Это произошло по причинам, которые не только не радовали немецких генералов, но и пугали большинство из них до смерти. В любой армии само по себе снабжение, транспортировка и управление сотнями тысяч человек занимали первое место в длинном списке расходов. В русской армии 1913–1914 годов, хотя это, без сомнения, был крайний случай, интендантство – продовольствие, фураж, обмундирование – обходилось в 450 миллионов из бюджетных 580. Однако по причинам, которые будут объяс-

нены ниже, в германской армии существовали строгие ограничения на количество рекрутов, которых она могла принимать в год. Обычно это было 250 000 человек против 450 000 (а в 1914 году – 585 000) в русской армии, в то время как бюджеты армий были примерно равны. Финансовые ресурсы, высвободившиеся в результате ограничения набора, могли быть переданы артиллерии и техническим службам, а также использованы для содержания более высокой, чем в других армиях, доли солдат и унтер-офицеров, служивших долгое время в отличие от призывников. В целом германская артиллерия была обязана своим превосходством не мощной промышленной машине, а скорее случайностям, порой неприятным для генералитета.

Фактор, который больше всего беспокоил немецких генералов в 1912–1914 годах, – это ограничения на набор в армию. Несмотря на то что Пруссия являлась пионером всеобщей воинской повинности, ее преемники позволили этой практике угаснуть, хотя сам принцип продолжал действовать. Армейским властям не разрешалось набирать в год больше солдат, чем позволял рейхстаг, а рейхстаг был не слишком сговорчив. Массовые партии – социалисты и клерикалы – относились к армии с неприкрытой враждебностью, поскольку считали ее вотчиной высшего класса и постоянной угрозой для массовых партий. Даже средний класс, хотя он частенько мог отдавать армии душу, не желал жертвовать ей деньги. В любом случае существовали и менее

очевидные факторы, не допуская значительного увеличения контингента рекрутов. Первым из них был германский флот. Он требовал все большей доли оборонного бюджета и не оставлял места для увеличения расходов на снабжение армии. Во времена Тирпица⁴ численность немецких рекрутов практически не увеличивалась, хотя население выросло на 10 миллионов, а эмиграция стала значительно меньше, чем прежде. Однако даже сами армейские командиры порой опасались массового призыва. Это означало бы расширение офицерского корпуса для управления большим количеством вновь прибывших, что вело к включению в него элементов, которые традиционно настроенные пруссаки считали классово нецелесообразными. Офицеры запаса, взявшиеся из ниоткуда, возможно, даже евреи, не смогли бы бороться с «социальной опасностью» так же эффективно, как однородное юнкерское офицерство. Прусское военное министерство до 1914 года само оказывало решительное сопротивление любому введению по-настоящему всеобщей воинской повинности. Таким образом, военное бремя, лежавшее на немецком народе, было меньше того, что лежало на французах, чьи военные лидеры почти не страдали от подобных ограничений и которые, по сути, были озабочены извлечением военного потенциала французского народа до последней

⁴ Т и р п и ц, Альфред Петер Фридрих фон (1849–1930) – германский военноморской деятель, в 1897–1916 гг. статс-секретарь военноморского ведомства (морской министр), гросс-адмирал.

капли, чтобы противостоять быстро растущему немецкому населению. В Германии воинская повинность заканчивалась в 45 лет, во Франции – в 48. В Германии были призваны и обучены менее 50 % военнообязанных молодых мужчин, во Франции – 85 %, то есть все, кроме инвалидов. В 1914 году в Германии было 5 миллионов немцев, подготовленных к войне и достигших призывного возраста, и 5 миллионов необученных. Во Франции было 5 миллионов обученных и 1 миллион необученных, а французская армия на западе, вместе с небольшими бельгийскими и британскими контингентами, фактически насчитывала больше солдат, чем немецкая армия, хотя разница в численности, особенно в молодом поколении, была значительной: на одного молодого француза приходилось почти два молодых немца. Французская армия 1914 года составляла одну десятую населения Франции, а немецкая – одну двадцатую населения Германии. Конечно, в 1913 году, благодаря решениям рейхстага, произошли перемены, но, поскольку за ними последовала русская «Большая программа», их последствия оказались незначительными. Неудивительно, что немецкие военные настаивали на войне, пока не стало слишком поздно, так как с учетом военного закона 1913 года и обременительного налога на имущество, который пришлось из-за него платить, они считали, что достигли предела своих ресурсов и что лучше воевать с Россией, чем с рейхстагом.

Этот расчет получил дальнейшее подтверждение с появ-

лением известий о строительстве Россией стратегических железных дорог. Германский военный план был в той или иной степени обусловлен ситуацией, в которой Россия и Франция выступали в союзе против Германии. Немецкая армия состояла из 96 дивизий: 52 дивизии 1-й линии с 80 орудиями каждая, 25 дивизий 2-й линии с 36 орудиями каждая и 19 дивизий 3-й линии с 24 орудиями каждая в лучшем случае. Французская армия состояла из 46 дивизий 1-й линии и 37 дивизий 2-й линии в среднем с 40 орудиями каждая. Русская армия имела 114,5 дивизии с 54 орудиями каждая, а если учитывать тяжелую артиллерию, то 56 или 57. После мобилизации русской армии у Германии осталось бы мало шансов на победу. Ее единственным шансом было разгромить Францию до того, как русская армия начнет движение на запад, тогда она могла бы спокойно развернуться и противостоять России. Граф Шлиффен распорядился так: в первую неделю войны семь восьмых немецкой армии должны были выступить против Франции через Бельгию. Считалось, что никакой другой план не давал Германии шансов на успех. Оборонительные действия на двух фронтах могли привести лишь к длительному постепенному удушению Германии. Таким образом, неотъемлемой частью плана Шлиффена был расчет на медленный темп русской мобилизации. Это было актуально в 1890-х и 1900-х годах. Русские не смогли бы ежедневно доставлять к западным границам даже 200 поездов с солдатами, в то время как Германия только по кёльн-

ским мостам могла пропускать 650. К тому же после мобилизации возникли бы проблемы с переброской подвижного состава из Центральной России к западной границе. Нехватка подвижного состава и недостаточная протяженность железнодорожных линий дополнялись множеством технических проблем, поскольку российские железные дороги строились дешево, без того богатого оснащения разнообразным оборудованием, которое имело место на западных железных дорогах: частых сигнальных будок, мощностей по подаче воды и угля, большого количества квалифицированных специалистов. В результате само российское планирование отличалось крайней осторожностью, руководствуясь принципом, что следует концентрировать войска вдали от германской границы и возводить крупные оборонительные сооружения. Этим войскам требовалось не менее шести недель, чтобы подготовиться к бою, но даже тогда они не смогли бы передвигаться быстро. Шлиффен полагал, что дюжины дивизий, многие из них 2-й или 3-й линий, которые он предлагал оставить для обороны Восточной Пруссии, будет достаточно на первые шесть недель, пока остальные разгромят Францию. Это мнение разделяли и некоторые русские военные.

Строительство русских стратегических железных дорог сделало этот план полностью непригодным. Одно лишь коммерческое развитие потребовало увеличения подвижного состава и протяженности железнодорожных линий, которые

в 1914 году превысили аналогичные показатели Германии. Немцы могли предоставить для мобилизации 250 000 железнодорожных вагонов, русские – 214 000. К 1910 году российская мобилизация могла осуществляться со скоростью 250 поездов в сутки, к 1914 году – 360, а к 1917 году Данилов планировал отправлять на запад 560 поездов ежедневно. В августе 1914 года Россия провела мобилизацию по предписаниям старого плана, № 19 «измененного», 1910–1912 годов. Мобилизация 744 батальонов и 621 кавалерийского эскадрона заняла 30 дней, но для двух третей из них она была завершена к 18-му дню мобилизации. С планом № 20, вступившим в силу в сентябре 1914 года, и еще больше с планом № 21, вступившим в силу в 1917 году, мобилизация должна была быть полностью завершена к 18-му дню, всего на три дня позже окончания немецкой мобилизации на западе. Тем временем с 1912 года проводился ряд подготовительных мероприятий. Две пятых армии постоянно дислоцировались в Польше, что существенно уменьшило нагрузку на железные дороги. В феврале 1912 года был законодательно введен «период подготовки к войне», допускавший проведение подготовительных мероприятий до официальной мобилизации по усмотрению Военного министерства, например призыв трех младших классов резерва в районах, находящихся под угрозой действий противника (например, в Польше к западу от Вислы). Эти меры, вступившие в действие с 26 июля, позволили немцам предположить, что Россия провела

«тайную мобилизацию», хотя на самом деле немцам сообщали, что происходит. Наконец, чтобы компенсировать период, когда новый набор призывников будет меньше всего готов к боевым действиям – первые шесть месяцев службы, – старший набор должен был оставаться под ружьем еще полгода, так что зимой русская армия даже в мирное время насчитывала 2 миллиона человек, столько же, сколько германская армия военного времени. В 1913–1914 годах были объявлены дальнейшие шаги по строительству стратегических железных дорог. Французское правительство гарантировало железнодорожные займы, размещаемые во Франции, в размере 500 миллионов франков в год, и французские генералы вносили предложения относительно линий, которые Россия должна построить или сделать двухпутными, чтобы ускорить собственную мобилизацию. Под давлением французов в России даже появился проект, до некоторой степени реализованный в 1914 году, по размещению сил вторжения в Польше к западу от Вислы, в районе, который до сих пор считался слишком уязвимым для оккупации и потому оставался без железных дорог. Согласно «Большой программе» 1914–1917 годов почти 150 миллионов рублей из 700 миллионов, выделенных на военные цели, должны были пойти на стратегические железные дороги. Немцев уже встревожило то, насколько ускорилась русская мобилизация. Они признали, что к 1917 году она будет почти такой же быстрой, как их собственная, и что русские будут в Берлине раньше, чем

они в Париже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.